

Пшенева И.А. ЕПИСКОП ТАВРИЧЕСКИЙ МИХАИЛ (ГРИБАНОВСКИЙ) – ВЫДАЮЩИЙСЯ РЕЛИГИОЗНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ

История Таврической епархии связана с именами многих выдающихся деятелей Русской Православной Церкви. В их числе – имя епископа Таврического и Симферопольского Михаила (Грибановского), возглавлявшего Таврическую кафедру в 1897 – 1898 гг. Масштаб личности этого выдающегося иерарха РПЦ позволяют оценить появившиеся в последние годы издания важнейших трудов епископа Михаила[1] и статьи о нем[2].

Вместе с тем, приходится констатировать отсутствие специальных работ, посвященных анализу религиозно-философского наследия Преосвященного Михаила. Настоящая статья, написанная с привлечением редких печатных материалов[3], является попыткой восполнить этот очевидный пробел.

Признанный религиозно-духовный авторитет своего времени, Михаил Грибановский уже при жизни был широко известен как крупный религиозно-философский теоретик и богослов, выдающийся проповедник и воспитатель духовной молодежи. В период своего священноначалия в Афинах, Полтаве и Симферополе он проявил себя как талантливый церковный организатор.

Сохранились свидетельства в пользу того, что Преосвященный Михаил явился прототипом героя рассказа А.П.Чехова “Архиерей”, вышедшего в свет в 1902 г. Это обстоятельство долгое время было предметом литературоведческой дискуссии. Исследователи творчества Чехова со ссылкой на воспоминания О.Книппер настаивали на существовании у героя нескольких прототипов. Современная Чехову и Грибановскому крымская интеллигенция, напротив, усматривала и в личностных характеристиках, и в фабуле рассказа (любимый паствой тяжелобольной архиерей, читая Евангелие Страстей в Великий Четверг, проникаясь глубочайшей чистоты и напряжения чувством к страждущему Спасителю и заблудшему человечеству, передает свои чувства всем молящимся) черты Преосвященного Михаила. Отчасти проливает свет на проблему факт, приведенный исследователем творчества Чехова С.Н.Щукиным в 1954 г.: однажды Чехов случайно увидел у фотографа поразивший его фотопортрет епископа Михаила (Грибановского) и купил его[4].

Разностороннее творческое наследие Михаила Грибановского может, с некоторой долей условности, быть подразделено на четыре основные направления.

1. Религиозная публицистика, труды религиозно-этического содержания и материалы проповедей.
2. Фундаментальные философско-теоретические труды.
3. Эпистолярное наследие и дневниковые записи.
4. Религиозно-административные решения.

Не поддаются классификации личное духовное влияние и харизма личности Владыки. Именно они повлияли на решение многих представителей учащегося духовенства Санкт-Петербургской Духовной Академии массово принимать монашество – факт небывалый в условиях России периода реакции, растущего атеизма общества и назревания предпосылок революции 1905 г.

Михаил Михайлович Грибановский (02.11.1856 - 19.08.1898) – потомственный представитель клира. Его отец – протоиерей М.И.Грибановский – благочинный церквей г. Елатьмы Тамбовской губернии. Дом протоиерея посещал такой подвижник благочестия, как Феофан Затворник (тогда – епископ Тамбовский). Со временем его посещения связан примечательный эпизод, когда по случайности упавший с головы святого старца монашеский клобук оказался в руках идущего следом 5-6-летнего Миши Грибановского. Всеми присутствовавшими в доме этот случай был расценен как пророческое предуказание монашеского пути, отведенного мальчику.

Наследственно слабое здоровье (почти все из 10 братьев и сестер Михаила умерли от туберкулеза горла) обусловило в нем навык самообразования и рано сформировавшееся самосознание. Сохранились не по годам зрелые, философские по содержанию дневниковые записи и письма, после смерти Владыки опубликованные в выпусках “Таврического Церковного Общественного Вестника” за 1909 г. под общим названием “Письма Преосвященного Михаила”.

Начало серьезного увлечения философией относится к “философскому классу” Духовной Семинарии (1874 г.). Вопреки бытующему мнению о второсортности и консерватизме духовного образования, а о духовных учебных заведениях как о цитаделях обскурантизма, семинарии давали глубокое, всестороннее и системное образование, велось преподавание современных наук, что при должной постановке основного богословского курса должно было не подтачивать, а лишь укреплять живую веру учащихся. Что касается программы по философии, то она излагалась на уровне высоких европейских образовательных стандартов. Однако, даже эту насыщенную программу Михаил Грибановский быстро превзошел, изучив всю доступную литературу на русском языке и специально выучив немецкий – язык наиболее авторитетных философских направлений. Особый интерес вызывали у него работы “Душа и тело”, “Бог и природа” Ульрицы, “Бог и природа” Лотца, поздние труды Шеллинга и “История новой философии” Куно-Фишера. “Философия есть преддверие веры” – записывает М.Грибановский в дневнике высказывание Цезаря Барония. В это время он уже дает квалифицированные консультации по философии даже учащимся старших классов.

Несколько лет спустя, уже будучи студентом Санкт-Петербургской Духовной Академии, он делает в своем дневнике другую запись: “Кто хочет ориентироваться в жизни, кто хочет решить неотвязные вопросы “откуда”, “что такое” и “куда”, - тот философ. Но кто хочет решить это наиболее истинно, кто не хочет повторять задов, давно отвергнутых в качестве ложных или недостаточных, тот должен знать историю философии как ряд гениальнейших попыток в этом направлении”[5].

По уставу 1869 г. богословское образование в России было построено таким образом, что, получив основную массу знаний в среднем звене образовательной системы – в Семинарии, в Духовной Академии учащийся должен был проходить этап углубленной специализации, т.е. исчерпывающего изучения ограниченного количества предметов. Например, курс психологии читал известный профессор А.Светилин. На II курсе Грибановский помещает свои первые публикации по философии во всероссийских журналах: “Посмертные сочинения Д.Г.Льюиса” (“Мысль, 1882 г., январь) и “Развитие представление “я” в человечестве” (там же, март).

В этот период он намечает контуры основного концептуального замысла своей жизни – создание подлинно жизнеспособной и продуктивной религиозной (христианской) философии в ее вершинной православной фазе и встраивание ее в схему: дохристианская религиозная философия (Гераклит) – западнохристианская религиозная философия (Шеллинг) – православнохристианская религиозная философия. 5 января 1883 г. он пишет в дневнике: “Осмыслить философски христианство – вот величайшая цель настоящего времени, намеченная Шеллингом. Не должно быть разлада. Догматы величайшей, абсолютной религии должны быть величайшей, истиннейшей философией. Нужно только понять их и проникнуть философским анализом и синтезом. Нет еще христианской философии. Ее нужно создать. По ней тоска, ее жаждет человечество, не удовлетворяющееся одной лишь верой. Вот задача, достойная гениев. Не разрешить ее, а только совершить хотя бы ничтожную попытку к ее разрешению у нас, в России, натолкнуть мысль на это – вот великая задача моей мысли”[6].

Написанная в 1883 г. кандидатская диссертация “Религиозно-философское мировоззрение философа Гераклита” стала первой частью масштабного замысла М.Грибановского. Работа осложнялась тем, что труды Гераклита Эфесского сохранились только в разрозненных фрагментах у разных раннехристианских авторов: Клементя Александрийского, Ипполита Римского, Оригена, Иустина-философа. Исследователю предстояло, таким образом, в первую очередь восстановить целостность первоначальных текстов Гераклита, сопоставив обширные монографии в специальной литературе и сочинения писателей с названными отрывками. Затем на основе тщательно проведенной реконструкции можно было приступить к воссозданию и философскому осмыслению всей системы взглядов греческого философа.

В 1887 г. М.Грибановский делает еще один – и последний - шаг к достижению своей цели: он пишет магистерскую диссертацию “Истина бытия Божия. Опыт уяснения основных христианских истин естественной человеческой мыслью”. Дальнейшее ухудшение здоровья не позволило ему ни развить фундаментальные открытия, сделанные в этой работе, ни продолжать научную деятельность в условиях Санкт-Петербургского климата. Вместе с тем, самое общее ознакомление с данным трудом указывает на всемирное значение сделанных в нем философских открытий.

Первоначальной задачей диссертации было выдвинуть продуктивное и состоятельное для своего времени доказательство бытия Бога. Как известно, в истории мировой философии насчитывалось много попыток таких доказательств и их философской классификации. Так, одной из основных тем средневековой философии – патристики и схоластики – были варианты доказательства бытия Бога в рамках теологии откровения и теодицеи. Однако, в Новое время Иммануил Кант в своей классической работе “Критика чистого разума” опроверг возможность такого рода доказательств, чем на длительное время обезоружил сторонников этой идеи. Чтобы дезавуировать максимы Канта, необходимо было, чтобы сформировалась новая методологическая база как в философии, так и в науке. Формирование Михаила Грибановского как философа проходило под воздействием популярного в те годы философского течения – позитивизма. Последний представлял собой продукт сложного синтеза между наукой и философией, когда мировоззренческие позиции корректировались с учетом последних научных открытий и методологического аппарата науки. Обладая глубокими познаниями в области современных ему наук и, одновременно, будучи энциклопедически образованным богословом, Михаил Грибановский предложил смелый и доселе невиданный ход доказательства. Почти не прибегая к собственно философскому категориальному аппарату, он обосновывает бытие Божие “естественной человеческой мыслью”, т.е. с помощью понятий психологии – нового в то время прогрессивного научного направления. Можно сделать допущение, что Грибановский осуществил никем ранее не предпринимавшееся психологическое доказательство бытия Бога (которое в терминах современной философии можно также назвать феноменологическим доказательством). Нигде в тексте не опровергая авторитета Канта, автор тактично и тонко указывает на слабые места доказательной системы великого немецкого философа, на полемику с которым мировая философская мысль решилась лишь сравнительно недавно[7].

После блестящего окончания Санкт-Петербургской Духовной Академии Михаил Грибановский рукоположен во иеромонаха и оставлен в Академии в должности приват-доцента. В 1886 – 1889 гг. он много работает в жанре религиозной публицистики. В это время в журнале “Церковный вестник” публикуются его полемические статьи “В чем состоит церковность”, “Наши страдания и их главная причина” и “Еще о так называемом монашестве ученом”.

Дальнейший духовный путь Михаила Грибановского предопределили его встречи с тремя

величайшими подвижниками России конца XIX в. – Феофаном Затворником, к тому времени ставшим отшельником, патриархом старцев Оптиной Пустыни Амвросием и Иоанном Кронштадтским. Независимо друг от друга три великих прозорливца предсказали иеромонаху Михаилу путь духовного служения вне схимы и пустынночества, предвидя, что подлинное призвание молодого священнослужителя – в живой проповеди и работе с людьми.

Среди наиболее влиятельных мирских покровителей иеромонаха Михаила был выдающийся государственный деятель пореформенной России обер-прокурор Синода Константин Петрович Победоносцев. Придерживаясь в светской политике реакционных взглядов, он, вместе с тем, всегда оставался горячим и последовательным защитником веры и “Уваровской триады”: Православие – Самодержавие – Народность. Со временем должностной патронаж со стороны обер-прокурора и его жены перерос в почти родственное покровительство по отношению к подопечному. По настоянию К.П.Победоносцева иеромонах Михаил был переведен в более щадящий климат и в 1890 – 1894 гг. был настоятелем посольской церкви при Российской дипломатической миссии в Афинах. Именно здесь он смог в полной мере реализовать свой талант проповедника и оратора. Религиозно-философские вечера отца Михаила посещали, наряду с членами Российского дипломатического корпуса и офицерами дислоцированными в Греции частей Российского Флота, представители греческой интеллектуальной элиты, а во время своих визитов в Грецию – супруги Победоносцевы. Отец Михаил пользовался дружеским покровительством Ее Величества Королевы Эллина Ольги Константиновны, которая предоставила ему для наблюдения лучших придворных врачей, королевский парк для прогулок и до конца жизни Преосвященного Михаила горько сожалела о том, что тот покинул Афины.

В Афинах, готовясь к религиозно-философским встречам, о. Михаил печатал на пишущей машинке небольшие религиозно-нравственные эссе, написанные в виде комментариев к Новозаветным текстам или отдельным Евангельским постулатам. Позже эти статьи вошли в сборник “Над Евангелием”. Частное богословское мнение по нравственно-мировоззренческим вопросам автор соединил с традиционным и даже каноническим жанром комментария к Священному Писанию. Построенная таким образом книга представляет собой подлинную хрестоматию по духовно-этическому и религиозному воспитанию: “Благодатная жизнь неба открывается для нас по мере свободного просветления земли. Делать душу и тело свои чистыми и святыми, возводить окружающую нас природу к ее совершеннейшим формам; просветлять всю сферу данной нам конкретной жизни, животворить ближних тем дыханием, которое мы сами получаем свыше [...] – вот самый верный и надлежащий путь к царству “не от мира сего”. “Верующий [...] идет к тому миру через деятельное общение с ближними этого мира, будь оно в сфере мысли, дела или невидимой молитвы и любви.

Царствие Божие внутри нас есть (Лк. XVII, 21)”[8].

Будучи тонким стилистом, Михаил Грибановский получил возможность на страницах книги реализовать эту сторону своего дарования, что не позволяли сделать точный научный стиль и прагматика текстов диссертаций.

Книга “Над Евангелием” многократно переиздавалась при жизни Преосвященного Михаила: предположительно, трижды в Полтаве, где в течение I года он находился в сане викарного епископа Прилукского и дважды – в Симферополе, куда был переведен в связи с резким ухудшением здоровья в 1896 г.

Последний период жизни и деятельности Преосвященного Михаила связан с Таврической губернией. Состояние его здоровья стремительно ухудшалось. Тем не менее, за непродолжительное время своего епископства он успел внести в епархиальную жизнь много позитивных изменений. Совместно с председателем Императорского Православного Палестинского Общества Великим Князем Сергеем Александровичем епископ Михаил способствовал открытию в Тавриде губернского отделения Общества[9]. Печатному органу епархии – журналу “Таврические епархиальные ведомости” – был придан более живой и миссионерский характер[10]. До этого значительное место в издании занимали хозяйственные отчеты. После реорганизации в нем стало публиковаться больше статей по религиозной тематике, отрывков из святоотеческой литературы, а также статьи, содержащие сведения из различных отраслей науки, включая медицину и естествознание. В этот период на страницах “Ведомостей” систематически публикуются главы из книги “Над Евангелием”.

Важнейшим следствием деятельности епископа Михаила в епархии было уменьшение влияния в Таврической губернии сектантов. К сожалению, росту притязаний сект молокан и штундистов косвенным образом способствовали и предшественники Преосвященного Михаила на Таврической кафедре. Во время посещения поселений сектантов, они, отчасти исходя из неверно понимаемого церковного демократизма, порой уделяли больше внимания общению с сектантами, полемике с ними, и меньше – членам собственной местной православной общины. В результате православное население таких сел было сильно деморализовано. Во время своих поездок по деревням губернии Преосвященный Михаил большую часть времени уделял решению вопросов православных общин и отказался от контактов с сектантскими группами, чем вновь увеличил авторитет православия в отдаленных селах.

После кончины на 42 году жизни епископа Таврического Михаила по его завещанию он был похоронен в Симферополе в левом предделе кафедрального Александро-Невского Собора. Согласно пожеланию усопшего Владыки, памятник на его могиле представлял собой киот с иконой небесного покровителя Преосвященного – первого Киевского Митрополита Михаила – и аналой с лежащим на нем

открытым Евангелием и цитатой: “Се есть Живот Вечный, да знают Тебе Единого Истинного Бога и Его же послал еси Иисуса Христа” (Иоанн. XVII, 3).

На литургии в день погребения друг и сподвижник епископа Михаила Преосвященный Антоний произнес: “Знай же, Таврическая паства, какое сокровище заключено в земные недра под твоим соборным храмом! Эта могила вводит тебя в духовное общение с предстоятелями многих церквей Российских и Восточных, которые за счастье почли бы помолиться и поклониться у этого гроба”[11].

В 1929 г., после того, как было принято решение о сносе кафедрального Собора, состоялось перезахоронение честных останков епископа Михаила, которые в настоящее время покоятся на I гражданском кладбище г. Симферополя в братской могиле вместе с останками предшественника по Таврической кафедре архиепископа Гурия и трех иеромонахов[12]. Могила с надгробием в виде простого креста в настоящее время является местом паломничества верующих. Со слов лиц, принимавших участие в перезахоронении, останки сохранились нетленными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иеромонах Михаил (Грибановский). Истина бытия Божия: Опыт уяснения основных христианских истин естественной человеческой мыслью // Богословские труды. – М., 1990. – Сб. 30. – С. 9 – 82; Епископ Михаил (Грибановский). Над Евангелием. – СПб., 1994.
2. Протоиерей Владимир Мустафин. От редакции // Богословские труды. – М., 1990. – Сб. 30. – С. 4 – 8; Ягупова С. Духовный просветитель Михаил Грибановский // Брега Тавриды. – 1996. - № 6. – С. 213 – 214.
3. Автор выражает глубокую признательность протоиерею Николаю (Доненко) и протодиакону кандидату богословия Василию (Марущаку) за предоставленные ими редкие библиографические материалы, относящиеся к жизни и деятельности епископа Михаила Грибановского.
4. Подробнее см.: Ягупова С. Указ. соч. – С. 213.
5. Цит. по: Протоиерей Владимир Мустафин. Указ. соч. – С. 6.
6. Там же. – С. 7.
7. См. об этом: Мишель Гурина. Философия: Учебное пособие. – М., 1998. – С. 506 – 513.
8. Епископ Михаил (Грибановский). Над Евангелием. – СПб., 1994. – С. 17.
9. Таврические епархиальные ведомости. – 1898. - № 4. – С. 202.
10. Там же. - № 1. – С. 5.
11. Там же. - № 18. – С. 1211.
12. О поспешном варварском их перезахоронении см.: Филимонов С. По следам утраченных святынь // Крымское время. – 2001. – 4 мая. – С. 10.